

Научная статья

УДК 94(47).083-058.237

DOI: 10.46725/IW.2024.2.2

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМ КРИЗИСЕ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Алексей Николаевич Кураев

Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия,
cool.kuraev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-3701>

Аннотация. В статье рассматривается роль интеллигенции в развертывании общенационального кризиса в Российской империи начала XX в. Указываются основные черты и причины данного кризиса. Определяется необходимость выявить роль интеллигенции в расколе российского общества и раскачке общественного сознания. Автором применяются следующие научные методы исследования: анализ и синтез фактов; индукция и дедукция; системный и структурно-функциональный подходы; сравнительный анализ. Говорится о сущности, структуре и численном составе интеллигенции, ее роли в формировании «нового среднего класса». Подробно рассматривается социальное положение, деятельность и общественно-политическая активность российских ученых, профессоров и других преподавателей высших и средних учебных заведений, а также студентов. Анализируется позиция интеллигенции в национальном и религиозном вопросах.

Сделан следующий вывод. В начале XX в. социальный состав российской интеллигенции был всеобщим и неоднородным. Различались также политические взгляды и экономическое положение интеллигентов. Интеллигенция была идеологически дифференцирована на разные политические группировки, ведущие друг с другом ожесточенную конфронтационную борьбу за выбор пути общественного развития, за метод

достижения поставленных целей. Не имея прочной социальной опоры, интеллигенция пыталась привлечь на свою сторону как новые (рабочие, служащие), так и традиционные (крестьянство, городское мещанство) слои, внедряя в их сознание разновекторную идеологию, различные партийные программы. В начале XX в. в расколотившее традиционное сознание хлынул такой поток информации о путях и методах преобразования России, что оно оказалось не в состоянии его не только осмыслить, но и даже просто «переварить». Раскачка интеллигенцией традиционного сознания в условиях конфронтационности между властью и обществом оказалась чреватой мощными политическими и социальными катаклизмами, приведшими Россию на грань национальной катастрофы.

Ключевые слова: Россия, начало XX в., интеллигенция, средний класс, общенациональный кризис, национальный вопрос, религиозный вопрос, ученые, высшая школа, профессора, студенты, средняя школа, учителя

Для цитирования: Кураев А. Н. К вопросу о месте и роли интеллигенции в общенациональном кризисе России начала XX в. // Интеллигенция и мир. 2024. № 2. С. 28—52.

Original article

ON THE QUESTION OF THE PLACE AND ROLE OF THE INTELLIGENTSIA IN THE NATIONAL CRISIS IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Aleksey N. Kuraev

K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University), Moscow, Russia, cool.kuraev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-3701>

Abstract. The article examines the role of the intelligentsia in the unfolding of the nationwide crisis in the Russian Empire at the beginning of the XX century. The main features and causes of this crisis are indicated. The necessity to identify the role of the intelligentsia in the split of the Russian society and the rocking of public consciousness is determined. The author applies the following scientific research methods: analysis and synthesis of facts; induction and deduction; system and structural-functional approaches;

comparative analysis. The essence, structure and numerical composition of the intelligentsia, its role in the formation of the “new middle class” are discussed. The social situation, activities and socio-political activity of Russian scientists, professors and other teachers of higher and secondary educational institutions, as well as students are considered in detail. The position of the intelligentsia in national and religious issues is analyzed.

It is concluded that at the beginning of the XX century the social composition of the Russian intelligentsia was all genealogical and heterogeneous. The political views and economic situation of the intellectuals also differed. The intelligentsia was ideologically differentiated into different political groups, leading a fierce confrontational struggle with each other about choosing the path of social development, about methods of achieving their goals. Lacking a solid social support, the intelligentsia tried to attract to its side both new (workers, employees) and traditional (peasantry, urban philistinism) layers, introducing into their consciousness a multi-vector ideology, various party programs. At the beginning of the twentieth century such a flood of information about the ways and methods of Russia’s transformation poured into the split traditional consciousness that it was unable to not only comprehend it, but also even just to “digest” it. The shake-up of traditional consciousness performed by the intelligentsia in the conditions of confrontation between the government and society turned out to be fraught with powerful political and social cataclysms that brought Russia to the brink of a national catastrophe.

Keywords: Russia, the beginning of the XX century, intelligentsia, middle class, nationwide crisis, national question, religious question, scientists, higher school, professors, students, secondary school, teachers

For citation: Kuraev, A. N. (2024), ‘On the question of the place and role of the intelligentsia in the national crisis in Russia at the beginning of the XX century’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 28—52 (in Russ.).

Введение

Актуальность

Начало XX в. явилось судьбоносным для нашей страны. Она вошла в стадию империализма, что обернулось вступлением России в целую эпоху войн — против Японии (1904—1905 гг.), Первой мировой (1914—1918 гг.) — и революций — 1905—1907 гг.,

Февральской и Октябрьской 1917 г. (другой термин — Великая русская революция 1917 г.). Кардинальным образом изменились все стороны жизни общества. В промышленности утвердился государственно-монополистический капитализм, в сельском хозяйстве началось разрушение общины и создание фермерских хозяйств. Сформировалась система политических партий. Россия приобрела первый опыт парламентаризма: в стране сменились четыре Государственные думы.

В начале XX в. Российская империя являлась одной из динамично развивающихся стран в мире: постоянно растущая численность населения; высокие темпы индустриального развития (по общему объему производства она занимала 5—6 место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве возросла к 1913 г. до 5,3 %); стабилизирующаяся финансово-кредитная система (после денежной реформы 1897 г. русский рубль считался одной из самых твердых конвертируемых валют в мире); статус великой державы. Но если обратиться к качественным показателям, то Россия вступала в новый век с большим грузом разноуровневых проблем. В жесточайшем кризисе находились все — и феодальные, и буржуазные — структуры (уклады). В результате в начале XX в. в России очаги конфронтационности между властью и обществом слились в единый системный общенациональный кризис. В России, как стране асинхронного типа развития, модернизация своей основной задачи в полном объеме не решила. Более того, в России произошло наложение противоречий разных исторических эпох — феодализма, капитализма и империализма (см.: [Кураев, 2012]). Все эти противоречия, соединившись в единое и неразрывное целое, привели к мощным социальным взрывам и революциям, в результате которых произошла смена пути (типа) исторического развития России.

Возникает закономерный вопрос: почему так произошло?

Исторической наукой были выявлены многие экономические и социальные факторы¹. Одна из наиболее серьезных проблем заключалась в том, что, осуществляя форсированное развитие промышленности, самодержавный режим почти не осознавал

¹ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

социальных последствий модернизации. Новые явления в экономике объективно вели к формированию новых классов и социальных групп, в том числе интеллигенции и «нового среднего класса», которые уже не вписывались в традиционную систему социальных отношений, являлись носителями новых ценностей. Их интересы все больше расходились с интересами режима, рассчитывавшего удержать эти новые явления в экономике и социальной сфере под своим контролем. Парадокс истории заключался в том, что самодержавный режим, инициировав в 1860—1870-х гг. «сверху» модернизационный процесс, породил в лице новых классов и социальных слоев собственных могильщиков, претендующих на власть и собственность [Там же].

Наиболее конфронтационной являлась сфера политики. Именно в ней противоречия между авторитарным режимом и обществом достигли своего пика. Круговщина, являвшаяся одной из характерных черт российской общества XIX в., сменилась многопартийностью. В начале XX в. в стране существовало около 150 политических партий. Образно говоря, общественная атмосфера в России напоминала уже готовый к взрыву идеологический и партийный «котел».

Общественное сознание представляло собой причудливую смесь разного рода идеологий, политических течений и направлений, многочисленных проектов переустройства страны, которые в своей совокупности превосходили возможные и реально существовавшие альтернативы исторического развития. Предельно обостренная конфронтационность на уровне общественного сознания не позволяла выработать единую общенациональную идеологию, выражавшую ведущую тенденцию общественного развития России, ее подлинно национальные интересы. Именно на политическом уровне проявился весь максимум противоречий, возникших между новыми явлениями в экономике, социальной, национальной, религиозной сферах и старой самодержавной системой — одной из самых архаичных на европейском континенте. Центральной осью конфликта между авторитарным режимом и обществом стали две взаимосвязанные проблемы: борьба за власть и борьба за передел собственности. В отличие от предшествовавших

столетий, когда эти проблемы решались за счет лишь некоторых передвижек внутри властных структур, в начале XX в. речь уже шла о разделе или даже о полном переходе политической власти в руки новых классов и социальных слоев [Там же].

В данный период в России в эпицентре этой борьбы оказались два лагеря — бюрократия, олицетворявшая авторитарный режим и сосредоточившая в своих руках все нити управления и контроля, и интеллигенция, формировавшая общественное мнение и обладавшая силой идеологического и культурного влияния на общество.

Всесословная российская интеллигенция с момента своего возникновения находилась в постоянной оппозиции к власти, считая себя главной представительницей интересов народа, единственным выразителем передовых идей и ведущих тенденций общественного прогресса. Поэтому, рассматривая себя в качестве духовного лидера нации, интеллигенция претендовала на ведущую роль в общественно-политической жизни России, чтобы выражать общенациональные интересы. Именно из интеллигентов состояло руководство и большинство аппарата революционных и либеральных политических партий, а также массовых организаций в Российской империи в начале XX в. Таким образом, открытое столкновение между бюрократией и интеллигенцией становилось неизбежным, что во многом предопределило произошедшие в то время в стране трагические события.

Постановка вопроса. Представляется актуальным и необходимым исследовать роль интеллигенции в расколе российского общества в начале XX в. и в раскачке общественного сознания; выяснить причины активной вовлеченности интеллигенции в судьбоносные события начала XX в. В статье анализируется роль интеллигенции в формировании «нового среднего класса», ее деятельность в сфере образования, роль интеллигенции в национальном и религиозном вопросах.

В историографии имеется много работ о деятельности интеллигенции в революции 1905—1907 гг., а также до и после нее. Нам же хотелось проанализировать именно причины столь активной вовлеченности интеллигенции в судьбоносные события начала XX в.

Методология и методы исследования

Автор применил в совокупности научные методы исследования: анализ и синтез фактов (сначала — разделение их на элементы, изучение их возникновения и развития; затем — осмысление взаимосвязей и взаимозависимостей фактов); индукция (от частного к общему) и дедукция (от общего к частному); системный и структурно-функциональный подходы; сравнительный анализ (сопоставление отдельных явлений и процессов с целью обнаружения их сходства и различий).

Основная часть

Что такое интеллигенция?

Сначала нам предстоит выяснить, что такое интеллигенция и какие группы населения можно отнести к ней в России в начале XX в. В науке до сих пор нет четкого и однозначного определения понятий «интеллигенция», «интеллигенты». Имеется несколько подходов к определению критериев интеллигенции и ее состава. Как правило, к ней относят людей, занимающихся, полностью или преимущественно, умственной, творческой деятельностью. Но этот термин очень нечеткий и размытый.

Основатель науки «интеллигентоведение» доктор исторических наук, профессор В. С. Меметов, раскрывая понятие интеллигенции, выделял два аспекта рассмотрения: состав интеллигенции и ее отличительные черты. Применительно к составу, отмечал он, понятие интеллигенции может трактоваться в широком и узком смысле. В первом случае — это «лица любых социальных слоев и профессий, живущие интеллектуальными интересами и составляющие культурную среду общества», т. е. вся совокупность носителей культурного кода народа. В узком же смысле — это «социальный слой, который объединяет людей, *профессионально* (выделено мной. — А. К.) занимающихся интеллектуальным и художественным творчеством и получающих доход от этой деятельности» (Цит. по: [Олейник, 2021: 22]). Его представители выступают «духовным пастырем» общества, выражая интересы народа

перед властью. Что касается определения отличительных черт интеллигенции, то они рассматривались ученым как «архисложный социокультурный феномен», в котором выделяются сущностные (первичные) и конкретно-исторические (вторичные) черты. Сущностные черты В. С. Меметов включил в свое определение интеллигенции — «это социокультурная общность, представители которой отличаются высоким образовательным уровнем и творческим отношением к профессиональной и общественной деятельности, направленной на производство и сохранение достижений культуры и общечеловеческих ценностей» [Там же: 22—23]. При этом «интеллигенция» и «интеллектуалы», по мнению В. С. Меметова, это в равной степени «интеллектообразующие понятия». Представители и тех, и других вместе составляют единый «интеллектно-этический континуум», «интеллектный слой». Однако интеллектуалы — это часть интеллигенции как более широкой социально-профессиональной общности. Вместе с тем, они отличаются друг от друга по общественной роли: «Если интеллигенция всегда претендовала на особую ведущую роль в жизни общества, то интеллектуалы, как правило, функциональны в своей интеллектуальной профессиональной деятельности» [Там же: 23—24].

В. Л. Черноперов и С. М. Усманов, наоборот, отождествляют понятия «интеллигенция» и «интеллектуалы». Их формулировка: «Интеллигенция есть новый социальный слой автономных интеллектуалов, имеющих особый моральный комплекс служения идеалу». Под «автономностью» они понимают: «Интеллигент — это интеллектуал, не вполне включенный в сложившуюся систему власти и иерархических отношений, а, напротив, стремящийся сохранить автономию от них или вообще освободиться от попечения власти» [Черноперов, Усманов, 2016: 18—19]. Т. е. данные авторы делают упор на постоянную оппозиционность интеллигенции. Во многом с ними согласен В. А. Порозов. Он пишет, что «интеллигентское/интеллектуальное сообщество» призвано сыграть ведущую роль для предотвращения деградации индустриального общества, в т. ч. в интеллектуальной, культурной и нравственной сферах [Порозов, 2019: 126].

Очень противоречива концепция В. В. Возилова. Он объявил интеллигенцию «классом управляющих» [Возилов, 2013: 16]. На наш взгляд, это весьма спорное утверждение, так как управление бывает самым разным, вплоть до геноцида и разрушения цивилизаций. Далеко не всякая управленческая деятельность несет в себе нравственную составляющую и может быть признана интеллигентной и интеллигентской.

Имеются и другие подходы к определению интеллигенции: социологический, профессиональный (функциональный), морально-этический, политологический. На наш взгляд, совершенно прав В. С. Меметов и его последователи (О. Ю. Олейник и др.). Они призывали к «комплексному междисциплинарному подходу к изучению интеллигенции», «объединив и творчески переработав методы сразу нескольких дисциплин» (Цит. по: [Олейник, 2021: 29]). Такая позиция позволяет в комплексе учитывать все критерии.

В результате, по мнению автора данной статьи, можно выделить, с большой долей условности, три основных отряда интеллигенции в России начала XX в.: 1) технико-экономическая интеллигенция, в т. ч. хозяйственно-управленческая (ИТР, планово-экономические и статистические работники, агрономы, зоотехники); 2) идеологически-управленческая интеллигенция: работники государственного аппарата и общественных организаций (в т. ч. партийные и профсоюзные функционеры), работники контрольно-ревизионных и силовых органов; 3) интеллигенция, осуществляющая социокультурные услуги, т. е. научно-культурная интеллигенция: научные работники, преподаватели и учителя, воспитатели, деятели литературы и искусства, врачи [Кураев, 2018: 14—18]. Подобная структура интеллигенции просматривается и в Российской империи рубежа XIX—XX вв.

В Переписи населения 1897 г. не было такой графы, как «интеллигенция». Но в ней указывалось распределение населения России по группам главных занятий и источникам существования. Членов ряда групп можно отнести, с большой долей вероятности, к интеллигентам. Это: государственное управление, суд, полиция, общественная, сословная и благотворительная деятельность (355,4 тыс. чел., 1,1 % населения); образование

(201,1 тыс. чел., 0,6 %); медицина (118,7 тыс. чел., 0,4 %); наука, литература, искусство (30,9 тыс. чел., 0,1 %); служба частная, прислуга (2144,5 тыс. чел., 6,5 %); жившие за счет казны, общественных учреждений и частных лиц (783,5 тыс. чел., 2,3 %)².

Как видим, процент населения, который можно было хотя бы условно отнести к интеллигентам, был очень невелик — не более 11 %. При этом, по сравнению с другими странами, России принадлежало одно из последних мест по занятости жителей во всех группах чисто интеллигентских профессий, связанных с образованием, медициной, наукой, искусством. Так, в России среди самодеятельного населения занятые образованием составляли всего 0,6 %, в то время как в Германии — 1,0 %, Австрии — 1,1 %, Франции — 0,5 %, в Англии — 1,5 %. Аналогичные цифры были для медицинских работников: соответственно 0,4 % (Россия), 0,5 %, 0,4 %, 0,8 % и 1,6 %. Наукой, литературой и искусством занималось в России 0,1 % самодеятельных, в то время как в Германии и Австрии по 0,3 %, во Франции 5,2 %, в Англии — 0,8 % [Швигтау, 1909: 130—131, 146, 174—175, 191, 211, 235, 297]³.

В целом, подобное соотношение свидетельствует о том, что Россия являлась аграрно-промышленной страной и заметно отставала от стран Западной Европы по уровню своего экономического, социального и культурного развития.

Интеллигенция и формирование «нового среднего класса»

Интеллигенция играла важную роль в формировании в России на рубеже XIX — начала XX в. т. н. нового «среднего класса». Его представители являлись одновременно собственниками и тружениками, лицами нефизического, управленческого и умственного, творческого труда. Они имели образование, профессиональную подготовку, средний по размеру доход, верхний уровень которого был сопоставим с доходом мелкой буржуазии, а нижний — превышал заработную плату рабочих [Кураев, 2023: 278—282]. Термин «средний» означает, что представители данного класса находились

² Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб., 1905. Т. 2. Табл. XX а, XXI. С. 256.

³ Статистический справочник. Вып. 1. СПб., 1906. С. 28—29.

именно между высшими и низшими стратами населения, не относясь полностью к ним и в то же время имея характерные черты этих страт.

Термин «средние слои» имеет двоякий смысл. С одной стороны, им могут обозначаться страты, которые являются зародышем среднего класса. С другой — этот термин отражает социальную и профессиональную неоднородность среднего класса, различный уровень его территориального и временного развития. Средний класс включает всю совокупность средних слоев, предполагая определенный общеклассовый характер и уровень их развития.

«Новые» средние слои включали в себя самые разнообразные категории служащих и интеллигенции. Их появление и численный рост был связан с развитием фабрично-заводской промышленности, транспорта и связи, крупной и средней торговли, образования, науки, культуры и т. д. Многие из них являлись наемными работниками нефизического труда, нередко хорошо оплачиваемыми. Однако, с одной стороны, у таких лиц работа носила в значительной мере самостоятельный характер (например, приказчики крупных и средних торговых и промышленных предприятий дореволюционной России были сродни современным менеджерам). Это же относится к лицам «свободных профессий». С другой стороны, их отличало обладание «интеллектуальной собственностью» — в виде умственных, творческих способностей человека, его образования, профессиональной подготовки и других составляющих «человеческого капитала». В составе самостоятельных «новых» средних слоев, которых, согласно подсчетам по материалам переписи 1897 г., насчитывалось 898,7 тыс. человек, на администрацию и высших служащих (без чиновников госаппарата) приходилось 30,1 %, на низших служащих — 34,3 %, интеллигенцию — 35,6 %. Интеллигенция включала высококвалифицированных специалистов умственного, творческого труда. Более половины этой группы занимались преподавательской деятельностью. В нее входила также техническая и научная интеллигенция, врачи, литераторы, юристы, художники и т. д. (интеллигенция здесь рассматривается как социально-профессиональная категория). Среди всех самостоятельных по империи «новые» слои составляли 2,7 %,

в том числе в городах — 6,2 %, в уездах — 1,6 %. 77,1 % общего числа сосредоточивалось в Европейской части страны, 11,2 % — в Привислинских губерниях, 5 % — в Сибири, 4,6 % — на Кавказе и 2,1 % — в Средней Азии [Там же]. Женщины составляли среди интеллигенции 24,0 %. Выделялись по высокому удельному весу женщин традиционные женские занятия — сестры милосердия (81,6 % женщин), акушерки (100 %), гувернантки (84,8 %), домашние служащие (91,7 %) и др. [Иванова, 2018].

Удельный вес самостоятельного городского населения в России на рубеже XIX—XX вв. составлял около 24 %. Однако более половины представителей средних слоев, в т. ч. интеллигенции, находилось в крупных городах. При этом высший уровень развития среднего класса был достигнут именно в Санкт-Петербурге и Москве.

В целом средний класс, в т. ч. интеллигенция, характеризовался численным ростом и общей немногочисленностью, неравномерным территориальным размещением и многоукладным составом, социальной, функциональной и профессиональной неоднородностью, разным уровнем оплаты труда.

Интеллигенция и развитие образования

Важным фактором, способствовавшим формированию среднего класса, было развитие образования, которое являлось одним из основных «ресурсов» для служащих и интеллигенции, но имело значение и для «старых» средних слоев населения. Преподаватели высших и средних учебных заведений, студенты вузов — это одни из важнейших составных частей интеллигенции. Поэтому изучение их положения, в т. ч. их социальной структуры, позволяет говорить о состоянии интеллигенции в целом.

По своему гражданскому статусу профессора вузов относились к привилегированной части российской интеллигенции. Они находились на государственной службе, получая большое казенное содержание и занимая высокое место в чиновничьей и сословной иерархии. По уставу 1884 г. профессора университетов ко времени полной выслуги (25 лет) достигали чинов V—IV классов (статский генерал). Немногие избранные поднимались даже до ранга

тайного советника (III класс). Самые выдающиеся ученые из профессоров высшей школы могли быть избранными в члены-корреспонденты и действительные члены Императорской Академии наук. Например, в 1914 г. из 38 ее действительных членов — 33 (87 %) были избраны в нее, будучи профессорами университетов и народнохозяйственных институтов [Кравец, 1967: 220].

В целом же по численности ученого корпуса Российская империя стояла позади индустриально развитых стран Европы. Наша страна, занимавшая передовые позиции в мире по научным разработкам, например, в области промышленной химии, имела ученых-химиков в 15 раз меньше, чем США, в 8 раз меньше, чем Германия и Великобритания, в 2,5 раза меньше Франции. Еще хуже обстояло дело с физиками [Волобуев, 1987: 7]. Причиной тому был вялотекущий, из-за хронического казенного недофинансирования, процесс подготовки новых поколений деятелей ученого корпуса. Ввиду недостаточного финансирования многие аспиранты не получали стипендий [Иванов, 1994: 96—97]. Поэтому следует отметить высочайшую напряженность научно-исследовательского труда профессоров и преподавателей высшей школы. Ведь они и так были перегружены педагогической работой: если в 1898/99 учебном году на одного преподавателя вуза приходилось в среднем 13 студентов, то в 1913/14 учебном году — уже 27!

Отдельные представители ученых вовлекались в сферу государственного управления, которое в связи с ускорением социально-экономического развития страны остро нуждалось в специалистах высшей научной квалификации. Так, министрами просвещения были профессора: правоведы Н. П. Боголепов (1898—1901 гг.) и Л. А. Кассо (1910—1914 гг.), филолог-классик Г. Э. Зенгер (1903—1905 гг.). Научными экспертами по «рабочему вопросу» у заведующего Особого отдела Департамента полиции МВД С. В. Зубатова были в 1902—1903 гг. профессора-экономисты А. Э. Вормс, В. Э. Ден и И. Х. Озеров. Преподаватели народнохозяйственных институтов представлялись в качестве экспертов высшего уровня во многих ведомственных научно-технических подразделениях. С 1906 г. представители науки заседали

в Государственном совете и Государственной думе в составе академической курии.

Социальный состав преподавательского корпуса был очень разнороден. В него входили представители самых разных сословий. Примерно треть работавших в университетах и четверть — в народнохозяйственных институтах происходили из потомственных дворянских семей [Иванов, Кулакова, 2013: 44—62]. Преподаватели же из недворянских сословий становились «личными» дворянами по достижении чина IX класса (титularный советник) и «потомственными» — по достижении чина IV класса (действительный статский советник). Среди преподавателей встречались потомки древних дворянских родов, например: Б. Н. Чичерин, основоположник «государственной школы» в русской историографии; философы братья С. Н. и Е. Н. Трубецкие; отец и сын А. Н. и Н. Н. Бекетовы — ботаник-географ и физик-химик; сейсмолог Б. Б. Голицын, физиолог растений К. А. Тимирязев [Сословие русских профессоров..., 2013] и др.

Нередко среди профессоров, особенно университетских, встречались представители духовного сословия (историк В. О. Ключевский, основатель научной школы по конструированию машин И. А. Вышнеградский, физиолог А. А. Ухтомский, химик-органик А. Е. Фаворский, изобретатель радиотелеграфа А. С. Попов и др.). Но основную часть российского ученого корпуса составляли выходцы из разночинно-чиновничьей среды (психоневролог В. М. Бехтерев), профессиональной интеллигенции (геолог А. П. Карпинский), купечества (врач С. П. Боткин, физик П. Н. Лебедев), крестьян (химик И. А. Каблуков, геолог И. А. Губкин) и других сословий.

Среди ученых были и представители академических кланов: Вернадских, Струве, Семеновых-Тяньшанских, Ляпуновых, Орбели, Рубинштейнов, Фортунатовых и др.

Специфика научного знания, сходные условия научно-педагогического труда, равные в целом перспективы академической карьеры превращали сообщество вузовских профессоров и других преподавателей в фактически всесословную, а затем и внесословную профессионально-корпоративную группу интеллигенции,

которая являлась активным субъектом складывания в России внесословного буржуазного общества. Об этом же свидетельствует и вовлечение людей науки в сферу капиталистического производства в качестве инициаторов и руководителей проектов его модернизации, научных экспертов.

Двойственное общественное положение ученого, определяемое, с одной стороны, его чиновничьим статусом, а с другой — генетической связью всей сферы его научной и педагогической, а иногда и предпринимательской деятельности с модернизационной тенденцией развития России, предопределила идейный раскол людей науки на либералов и консерваторов. Первые составляли большинство, исповедуя разные оттенки либерально-конституционных взглядов.

Достижение заветной цели свободы науки и преподавания связывалось ими с изменениями глобальных принципов управления Российской империей. Во многом под влиянием событий «Кровавого воскресенья» 12 января 1905 г. была опубликована «Записка о нуждах просвещения», которую первоначально подписали 342 человека (16 академиков, 125 профессоров и 201 приват-доцент), в т. ч. ученые с мировым именем А. Н. Бекетов, В. И. Вернадский, А. Н. Веселовский, С. Ф. Ольденбург, И. П. Павлов, К. А. Тимирязев, А. А. Шахматов. В «Записке» констатировалось: «Академическая свобода несовместима с государственным строем России. Для достижения ее недостаточны поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование»⁴.

В Киеве, Одессе и многих городах именно вузовская интеллигенция играла одну из руководящих ролей в организации антиправительственных выступлений. Например, в Одессе одним из организаторов движения за политические реформы в 1905 г. был даже ректор Новороссийского университета, профессор И. М. Занчевский. Это признавали и правительственные источники [Орлова, Околотин, 2021: 35—55].

Поэтому неудивительно, что профессура входила в руководство либеральных политических партий. Крупнейшая из них, Конституционно-демократическая (партия народной свободы), бес-

⁴ Наша жизнь. 1905. 12 янв.

сменно возглавляемая известным историком П. Н. Милюковым, в составе своего первого ЦК имела 22 представителя науки (40,7 %). Не случайно кадетов называли «профессорской» партией. Часть либеральных профессоров, включая таких маститых ученых, как химик Н. А. Меншуткин и экономист А. С. Посников, предпочли Партию демократических реформ во главе с известнейшим ученым — специалистом по международному праву М. М. Ковалевским. Некоторые остановили свой выбор на Партии мирного обновления, одним из лидеров которой был профессор философии Е. Н. Трубецкой. Состояли деятели науки и в праволиберальном Союзе 17 октября, входя в его ЦК [Сословие русских профессоров..., 2013: 44—62]. Убежденным октябристом был глава петербургской школы историков России С. Ф. Платонов.

Сведения о сословном составе студентов и учащихся высших и средних учебных заведений в ведении Министерства народного просвещения (МНП) могут служить не только показателем численности обучающихся, но и важным свидетельством сословного происхождения средних слоев. Подобные данные показывают уменьшение удельного веса дворянства и рост выходцев из других сословий: духовенства, почетных граждан и купцов, крестьян и др. [Иванов, 1991: 268—282].

Среди студентов университетов в 1913 г. сыновья потомственных и личных дворян составляли 35,9 %. Примерно столько же (35,2 %) было выходцев из городских сословий. Детей духовенства насчитывалось 10,3 %, а крестьян — 13,3 %. В высших технических учебных заведениях доля дворянских детей была ниже (24,5 %), а городских сословий (45,6 %) и крестьян (21,1 %) — выше. В ветеринарных институтах преобладали выходцы из среды духовенства, составлявшие 52 % обучавшихся в этих учебных заведениях. Сыновей дворян было 17,5 %, а мещан — 14,9 %⁵.

Состав учащихся средних учебных заведений МНП был более однородным. Здесь училось больше выходцев из непривилегированных сословий — мещан и крестьян. Вместе

⁵ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. Пг., 1916. Приложение. Статистические ведомости. С. 10—11, 27, 35, 52—53, 80—81, 104—105, 108—129, 150—157, 193—194.

с тем, в гимназиях и прогимназиях доля детей дворян была выше, а реальным училищам, а также средним и низшим техническим, отдавали предпочтение мещане и крестьяне. Большую часть обучавшихся в учительских институтах (64,5 %), готовивших учителей для начальных школ, составляли крестьянские дети.

Таким образом, среди получавших высшее и среднее образование были лица всех сословий. Но сословное начало в образовании, установившиеся приоритеты в занятиях и профессиях, различия в материальной обеспеченности родителей обуславливали более высокий уровень образования привилегированных сословий, богатых классов и слоев населения.

В исторической науке выделяются 4 причины радикализации студентов и активного вовлечения их в революционную борьбу: 1) учащиеся средней школы были под строгим контролем учителей, а поведение студентов вузов почти не ограничивалось академическими властями; у студентов были свои формальные и неформальные организации; 2) переезд из родного маленького города в большой университетский центр, где бурлила политическая жизнь и можно было осуществить мечты о социальных переменах; 3) пример преподавателя вуза — высокообразованного и морально безупречного педагога высшей школы — развивал чувство справедливости; 4) бытовая жизнь студентов была очень тяжелой. Недостаток средств вынуждал к строгой экономии и различным лишениям. Это, разумеется, вызывало протест студентов [Степанов, 2021: 9—34].

Согласно сведениям о выпускниках государственных высших учебных заведений за 1898—1916 гг., самую большую группу среди них (29,1 %) составляли юристы, большинство которых являлось чиновниками государственного аппарата управления, т. е. входило в состав бюрократии. За ними по численности следовали врачи (19,3 %) и педагоги (17,0 %). Инженеров, составлявших 18,2 %, готовили для различных отраслей народного хозяйства, прежде всего для фабрично-заводской промышленности. Удельный вес агрономов, лесоводов, ветеринаров, межевых инженеров был невелик (7,8 %) [Иванов, 1991: 318—319], особенно если

учесть преобладание аграрного сектора в экономике России того времени.

Вместе с тем уровень образования не всегда соответствовал необходимому цензу даже тех, кто должен был его иметь. Это касалось, например, одной из самых многочисленных категорий российской интеллигенции — учителей. Так, например, по данным за 1913 г., среди 190 494 учителей начальных училищ разных типов, подлежащих ведению МНП, женщины составляли 59,4 %, мужчины — 40,6 %. При этом из учителей-мужчин высшее образование имели 0,3 %, специальную подготовку и образование получило большинство — 58,6 %, среднее и начальное образование было у 37,4 %, не имели образования 3,7 %. Среди учительниц доля с высшим образованием была более высокой — 1,6 %, а без образовательного ценза — существенно ниже. Большинство из учителей-женщин имело среднее и начальное образование (62,3 %), а специальную подготовку — только 34,9 %⁶.

Одна из причин этого — низкий годовой оклад учителей. В земских школах он составлял в 1890 г. в среднем 300—400 руб., а в 1911 — 600—900 руб. Среди учителей начальных училищ МНП в 1913 г. 71 % имели содержание более 200 руб. в год, а остальные — меньше [Зубков, 2008: 9—10]. Это было ниже или на уровне средней заработной платы фабрично-заводских рабочих и в несколько раз меньше оклада земских врачей.

Интеллигенция и национальный и религиозный вопросы

Интенсивно происходивший модернизационный процесс поставил на повестку дня национальный и религиозный вопросы, так как Россия являлась многонациональной и поликонфессиональной державой. Эти вопросы требовали оперативного и вместе с тем крайне деликатного решения. Усиление диспропорций в развитии экономики между европейской частью России и ее национальными окраинами, оживление ассимиляторской тенденции со стороны бюрократии способствовали появлению и проявлению сепаратистских тенденций, носительницей которых

⁶ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. Приложение. Статистические ведомости. С. 193.

по преимуществу стала национальная интеллигенция. Административное рвение русского чиновничества, мало подготовленного к культурнической роли, вызывало нарастание неприязни со стороны формирующихся национальных элит (включая интеллигенцию), начавших требовать сначала робко, а затем более настойчиво территориальной автономии, децентрализации власти, политического самоопределения, а затем — и отделения от Российской империи. Национальный вопрос на окраинах Российской империи стоял очень остро. Например, была достаточно жесткая попытка русификации Финляндии, предпринятая имперскими властями в конце XIX — начале XX в. и вызвавшая ответное сопротивление финского населения, кульминацией которого стало убийство в 1904 г. финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова. Необходимо упомянуть и о еврейских погромах, периодически сотрясавших различные регионы России. Вину за них интеллигенция возлагала именно на власть.

При этом важно иметь в виду, что эпицентр противостояния по национальному вопросу проходил, как правило, не между нациями и народностями, населяющими империю, а между авторитарным режимом, проводящим ассимиляторскую политику, с одной стороны, и многомиллионной и многонациональной массой населения, в т. ч. и национальной интеллигенцией — с другой.

Модернизация повлияла и на обострение религиозного вопроса. Она способствовала активизации процессов секуляризации, стимулировала привлечение внимания к проблемам равноправия религиозных конфессий, веротерпимости, а также усилила обновленческие тенденции в церковной и внецерковной среде. Неудовлетворенность православием была одной из причин роста религиозных разномыслий и разного рода шатаний. Они активно выражались и в религиозных исканиях интеллигенции: толстовство, богоискательство, богостроительство.

Однако в России сфера религиозных отношений, в отличие от других областей жизни, оказалась крайне слабо затронутой модернизацией. Во многом из-за твердых исторических традиций. Власти и верхушка господствующей православной церкви непоколебимо и последовательно отстаивали нравственно-этические ценности христианства. Они стремились обезопасить свою паству

от проникновения опасных и чуждых атеистических идей и разнообразных рационалистических и мистических влияний. К тому же на протяжении столетий православие распространялось в России не только с помощью убеждения и проповеди, но и посредством принуждения. Например, во второй половине XIX в. проводилось насильственное воссоединение с православием т. н. «греко-католиков» на Украине и в Белоруссии. Разумеется, подобные лица в большинстве случаев становились православными лишь формально. Фактически же они продолжали исповедовать прежнюю веру. Это не могло не сказаться на состоянии Русской Православной Церкви. Также продолжал действовать ряд серьезных религиозных ограничений. Всё это являлось существенным фактором напряженности в религиозной сфере. И лишь под влиянием Первой русской революции правительство вынуждено было принять 17 апреля 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости», в котором признавалось, что «отпадение» от православия в другое христианское исповедание не подлежит преследованию и каким-либо ограничениям прав. Расширились права старообрядцев и сектантов⁷. С этого момента число отошедших от православной веры непрерывно росло [Русское православие: вехи истории, 1989: 397—398].

В тоже время необходимо отметить уважительное отношение многих представителей власти, Православной Церкви и подавляющей массы русского народа, в т. ч. и интеллигенции, к представителям других наций, народностей и конфессий. Очаг напряженности в религиозной сфере проходил не между православием и другими религиями. Противостояние шло между, с одной стороны, сторонниками сохранения государственного статуса Православной Церкви, а с другой — теми, кто выступал за освобождение Церкви от государственной опеки, за ее реформирование (восстановление патриаршества, расширение прав приходов, уравнивание старообрядцев с официальной церковью, и др.), за расширение прав других религий в русле современных для того времени религиозно-философских идей.

⁷ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26125. Ст. 1, 7, 8, 11; № 26126. Ч. 1. Ст. 1. Ч. II. Ст. 3, 4, 5, 6, 9.

Заключение

В конце XIX — начале XX в. в Российской империи существовала незавершенность процессов классовообразования. Это касалось всех классов и слоев общества. Социальная структура Российской империи в последний период ее существования являлась типичной для государств догоняющей модернизации, сочетающих индустриализацию и традицию. Данная структура характеризовалась большой сложностью, разнородностью, вызванной разнообразием уровней социально-экономического развития и многоукладностью общественных отношений. Сочетались и переплетались классовое (как уже новое) и сословное (как уже старое) начала. Численность сельского населения оставалась преобладающей, несмотря на быстро растущую урбанизацию. Существенными были отраслевые и региональные отличия.

Подобное сложное и противоречивое положение было характерным и для российской интеллигенции того времени. Ее социальный состав был всесословным и неоднородным. Различались также политические взгляды и экономическое положение интеллигентов.

Интеллигенция не являлась чем-то единым. Она была идеологически дифференцирована и расколота на различные идейные и политические группировки, которые вели друг с другом ожесточенную борьбу о выборе целей и путей общественного развития, а также о методах достижения поставленных целей. Причем степень конфронтационности среди интеллигентов — представителей различных социалистических и революционных партий, группировок и союзов — была даже значительно выше, чем в рядах либеральных и правых партий и организаций. Не имея прочной социальной опоры, интеллигенция пыталась привлечь на свою сторону как новые (рабочие, служащие), так и традиционные (крестьянство, городское мещанство) слои, внедряя в их сознание разновекторную идеологию, различные партийные программы. В начале XX в. в традиционное российское общество, в т. ч. в сферу образования, национальный и религиозный вопросы, хлынул такой огромный

поток информации о целях и методах преобразования России, что оно оказалось просто не в состоянии ее усвоить и осмыслить. Раскачка интеллигенцией общественного сознания в условиях конфронтационного раскола между властью и обществом в конечном итоге обернулась такими мощнейшими политическими и социальными катаклизмами, как революции и Гражданская война, поставившими Россию на грань национальной катастрофы.

Список источников

- Возилев В. В.* Методологические аспекты содержания понятия «интеллигенция / интеллектуалы» // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 1. С. 9—17.
- Волобуев П. В.* Русская наука накануне Октябрьской революции // *Вопросы естествознания и техники.* 1987. № 3. С. 3—17.
- Зубков И. В.* Учительская интеллигенция России в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 18 с.
- Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М.: АН СССР, Институт истории СССР, 1991. 392 с.
- Иванов А. Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994. 195 с.
- Иванов А. Е., Кулакова И. П.* Русская профессура на рубеже XIX—XX веков // *Российская история.* 2013. № 2. С. 44—62.
- Иванова Н. А.* Формирование среднего класса в Российской империи конца XIX — начала XX в. Теория и конкретика. М.: Ин-т рос. истории РАН; Центр гуманитар. инициатив, 2018. 294 с.
- Кравец Т. П.* От Ньютона до Вавилова. Очерки и воспоминания. Л.: Наука, 1967. 447 с.
- Кураев А. Н.* Подлинные причины революций в России в начале XX столетия // *Человеческий капитал.* 2012. № 12. С. 137—141.
- Кураев А. Н.* Что такое интеллигенция // *Актуальные проблемы гуманитарного знания: сб. ст.: вып. 2017 г. / отв. ред. У. В. Федотова.* М.: Перо; Красково: Гуманитарно-социальный ин-т, 2018. С. 14—18.
- Кураев А. Н.* Средние слои в Российской империи в начале XX века // *Власть.* 2023. № 2. С. 278—282. doi: 10.31171/vlast.v31i2.9574.
- Олейник О. Ю.* О значении научного наследия В. С. Меметова // *Интеллигенция и мир.* 2021. № 1. С. 9—29. doi: 10.46725/IW.2021.1.1.

- Орлова С. А., Околотин В. С. Роль вузовской интеллигенции в Первой русской революции (по материалам сенаторских ревизий) // Интеллигенция и мир. 2021. № 3. С. 35—55. doi: 10.46725/IW.2021.3.3.
- Порозов В. А. Интеллигенция в историко-цивилизационном контексте // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 109—130.
- Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
- Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: кол. монография / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой; М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. 386 с.
- Степанов А. В. Время студенчества как этап становления русского интеллигента рубежа XIX—XX веков // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 9—34. doi: 10.46725/IW.2021.4.1.
- Черноперов В. Л., Усманов С. М. Глава 1: Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: самоопределение, социальный профиль, судьба // Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные ... и похожие. Проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: кол. монография / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 8—53.
- Шуцман Г. Г. Профессии и занятия населения. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1909. 324 с.

References

- Chernoperov, V. L. and Usmanov, S. M. (2016), 'Chapter 1: Intelligentsia and intellectuals in the modern world: self-determination, social profile, fate', in Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds), *Intelligentsiia i intellektualy — takie raznye ... i pokhozhie. Problemy samoopredeleniia i deiatel'nosti v XX — nachale XXI veka: kollektivnaia monografiia* [The intelligentsia and intellectuals are so different... and similar. Problems of self-determination and activity in the XX — early XXI century: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 8—53.
- Ivanov, A. E. (1991), *Iysshiaia shkola Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Higher school in Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century], Akademiia nauk SSSR, Institut istorii SSSR, Moscow, Russia.

- Ivanov, A. E. (1994), *Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii. XVIII v. — 1917 g.* [Academic degrees in the Russian Empire. XVIII century — 1917], Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, Moscow, Russia.
- Ivanov, A. E. and Kulakova, I. P. (2013), ‘Russian professorship at the turn of the XIX and XX centuries’, *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], no. 2: 44—62.
- Ivanova, N. A. (2018), *Formirovanie srednego klassa v Rossiiskoi imperii kontsa XIX — nachala XX v. Teoriia i konkretika* [Formation of the middle class in the Russian Empire at the end of the XIX — beginning of the XX century. Theory and specifics], Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Russia.
- Klibanov, A. I. (ed.) (1989), *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: milestones in history], Politicheskoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Kravets, T. P. (1967), *Ot N'iutona do Vavilova. Ocherki i vospominaniia* [From Newton to Vavilov. Essays and memoirs], Nauka, Leningrad, Russia.
- Kuraev, A. N. (2012), ‘The real reasons for the revolutions in Russia at the beginning of the twentieth century’, *Chelovecheskii kapital* [Human capital], no. 12: 137—141.
- Kuraev, A. N. (2018), ‘What is the intelligentsia’, in Fedotova, U. V. (ed.), *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniia: sbornik statei: vypusk 2017 g.* [Current problems of humanities: collection of articles: iss. 2017], Pero, Moscow; Gumanitarno-sotsial'nyi institut, Kraskovo, Russia: 14—18.
- Kuraev, A. N. (2023), ‘Middle strata in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century’, *Vlast* [Vlast], no. 2: 278—282, doi: 10.31171/vlast.v31i2.9574.
- Oleinik, O. Yu. (2021), ‘On the significance of the scientific heritage of V. S. Memetov’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 1—29, doi: 10.46725/IW.2021.1.1.
- Orlova, S. A. and Okolotin, V. S. (2021), ‘The role of the university intelligentsia in the First Russian Revolution (based on materials from senatorial audits)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 35—55, doi: 10.46725/IW.2021.3.3.
- Porozov, V. A. (2019), ‘Intelligentsia in the historical and civilizational context’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 109—130.
- Shvittau, G. G. (1909), *Professii i zaniatiia naseleniia* [Professions and occupations of the population], Tipografiia Yu. N. Erlikh, St. Petersburg, Russia.

- Stepanov, A. V. (2021), ‘The time of studenthood as a stage in the formation of the Russian member of the intelligentsia at the turn of the XIX—XX centuries’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 9—34, doi: 10.46725/IW.2021.4.1.
- Vishlenkovaya, E. A. and Savel’eva, I. M. (eds) (2013), *Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov: kollektivnaia monografiia* [The class of Russian professors. Creators of statuses and meanings: a collective monograph] (2013), Translated by Levinson, K. and Dobrovolsky, D., Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Volobuev, P. V. (1987), ‘Russian science on the eve of the October Revolution’, *Voprosy estestvoznaniia i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology], no. 3: 3—17.
- Vozilov, V. V. (2013), ‘Methodological aspects of the content of the concept of “intelligentsia / intellectuals”’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 9—17.
- Zubkov, I. V. (2008), *Uchitel’skaia intelligentsiia Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* [The teaching intelligentsia of Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century], Abstract of Ph. D. (History) dissertation, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.01.2024; одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 08.01.2024; approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

А. Н. Кураев — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия.

A. N. Kuraev — Doctor of Sciences (History), Professor, K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University), Moscow, Russia.